

Татьяна Кравченко

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ МОГИКАН

Фильм «Клыкастые горы» на РТР

Нервнистая гора. - 2000. - 23 дек. - с. 12

КТО БЫ мог предположить двадцать с лишним лет назад, когда четверо бойких молодых людей впервые возникли на экранах телевизоров в абсолютно невиданной доселе программе и сразу стали донельзя популярными, — кто бы мог тогда предположить, какая разная судьба им уготована! Ведущие первых «Взглядов» — Листьев, Любимов, Захаров и Политковский — «иных уж нет...» Из оставшихся — Любимов каждый вечер радует зрителей своим плакатным лицом в актуальной программе «Здесь и сейчас», Захаров как-то совсем исчез из поля зрения широкой публики, а Александр Политковский оказался в категории «далече». Время от времени он напоминает о себе — седой юноша, неистовый правдоискатель со взглядом обиженного ребенка, страстно обличающий все подряд... Какое-то время он делал «Политбюро», но этой программе далеко было до оглушительного успеха проектов Листьева и до более скромного, но стабильного рейтинга Любимова.

А сейчас, похоже, Политковский стал одним из считанных журналистов, ушедших в одиночное плавание и работающих непосредственно по специальности. Он занимается не политикой, не экономикой, не социальными проблемами, а «чистой» журналистикой: выкапывает удивительные сюжеты и доносит их до зрителя. Правда, и в «чистой» журналистике никуда не уйти от политики, экономики и социальных вопросов, но они возникают попутно, как естественное приложение к выбранной теме, — а у Политковского они возникали бы, даже если бы он вел программу «Смак».

Вообще отстранение Политковского, уход в «чистую» журналистику, выглядит несколько нарочито: из «взглядовских» юношей он был самым темпераментным, самым непримиримым, самым... борцом, одним словом. Может быть, темперамент его «политическую» карьеру и сгубил. «Политинформатор» должен уметь отстраняться, создавать хотя бы видимость объективности, что Политковскому противопоказано: он субъективен до крайности.

Фильм «Клыкастые горы» сто-

ял в ночном эфире РТР во вторник, но был показан в понедельник, вместо программы Владимира Молчанова «И дальше века...», поэтому персональный зритель Александра Политковского (ведь у каждого тележурналиста такого уровня есть свой зритель) фильма так и не увидел. Что ж, постараемся хоть в какой-то мере ему этот ущерб компенсировать.

Сюжет о маленьком народе сойотов, живущем в Саянах (по-сойотски Клыкастых горах), об их истории, культуре, обычаях, верованиях. Интервью со стариками, которых осталось совсем мало. Оленеводческое хозяйство Даши Дамбаева: белые олени в загоне, стадо, идущее на пастби-

ще. Буколика: овечки резвятся, младенец на неокрепших ножках топает за тучным стадом. Простота съемки, очень много пейзажей (на самом деле — не так много, просто они часто повторяются): камера скользит по горам, как внимательный взгляд любопытствующего туриста. И музыка, сопровождающая это скольжение, — то ли гонг, то ли звуки шаманского бубна. Тревожная музыка.

Долгие-долгие, подробные съемки сойотской свадьбы. Опять камера скользит по кругу, иногда задерживаясь на лицах. Храмы, пещера Даянша-ламын — «застывший саянский водопад» — единственное место, где постоя-

но шла практика медитации. Последний лама-медитатор жил здесь в 30-е годы, а теперь медитации проводятся раз в месяц, но собираются устроить здесь специальный храм. Взгляд камеры на лица молящихся, и все это — опять под тревожные звуки бубна.

Нет спокойствия в Клыкастых горах. Старики вспоминают прежнюю жизнь: тогда не было ткани, детей одевали в меха, в колыбель подстиляли кедровую хвою... Перед камерой сидит очень пожилой сойот Бато Ма-шаев, бывший управляющий колхозом, в котором было больше 300 голов оленей, и медленно, неспешно рассказывает: «Детей раньше поили оленьим моло-

ком... Оленье молоко — самое густое, самое вкусное, которое легко превращается в масло. Масло славали государству...» И прежние (советские) времена в его рассказе — словно возвращение в волшебную сказку. Но потом за кадром голос комментатора Политковского, ставящий все на свои места. В советские времена, сообщает негромкий голос, участь сойотов ничем не отличалась от участи прочих народов под крылышком Великого Отца — они так же растворялись в неопределенной массе «советский народ». Оленеводство ликвидировали. Результат: сойоты как народ вымирают — тюркская, бурятская, русская кровь за прошедшие советские десятилетия сильно разбавили чистоту рода.

Выбранный автором фильма лейтмотив повествования — раскрытая дверь, в которую так легко войти, символ незащищенности маленького народа, что-то вроде розы Маленького принца, у которой для обороны от всех напастей лишь четыре шипа. Но вот один из стариков, рассказывая о прошлом сойотов говорит: это был очень воинственный народ, если кто чужой заходил на его территорию, сразу отрезали голову. Политковский, как честный человек, не вырезает этих пассажей, хотя они, мягко говоря, плохо ложатся на его режиссерскую версию «народа с открытой дверью». Потом комментарий за кадром опять сменяет седой старик в кадре: «Нас очень мало. Хорошо было бы, если бы было больше. Мы же заканчиваемся...» И тут же, очевидно, как символ конца — съемка крупным планом: из ковши сыплется лавина камней, погребая под собой... Что? Маленький народ? Наше общее советское прошлое?

Сочетание символики и нарочитой обыденности, не всегда удачное, но в целом впечатляющее, вообще характерно для журналистской манеры Александра Политковского.

Чем-то судьба сойотов, упорно отстаивающих свою суверенность, напоминает судьбу самого автора фильма о сойотах. Собственно, он один из прежних ведущих прених «Взглядов» остался до конца верен не только идеалам, но и стилистике времен начала перестройки, эпохи романтической, но очень, очень наивной...

Александр Политковский не изменяет прежнему «Взгляду». Фото Александра Шалгина (НГ-фото)